

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Росс Маккензи
Цвет Надежды

Раджани ЛаРокка, Крис Бэрон
Тайна драконьих самоцветов

Г. З. Шмидт
Таинственное исчезновение
Беатрис Уиллоуби

Хэйли Чьюинс

Отвернувшиеся девочки

Москва
2025

УДК 821.111-312.9(680)
ББК 84(6Южн)-44
Ч-97

Hayley Chewins
The Turnaway Girls

THE TURNAWAY GIRLS —
Copyright © 2018 by Hayley Chewins

Иллюстрация на обложке *Peshafon*
Разработка серийного дизайна *Евгении Семёновой*

Чьюинс, Хэйли.

Ч97 Отвернувшиеся девочки / Хэйли Чьюинс ; [перевод с английского А. В. Кондратьевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-04-184698-5

Отвернувшиеся девочки никогда не видели ни неба, ни солнца. Они заперты во дворце, где за ними присматривают строгие Мастера и Матери-воспитательницы, ведь их талант — превращать музыку в золото, которое идёт в казну короля.

Дельфирния — одна из Отвернувшихся девочек, однако ткать золото она не умеет. Девочка может создавать лишь прекрасных золотых птиц, которые оживают от её пения, за что воспитательницы её постоянно наказывают.

Близится день, когда каждый Мастер должен выбрать себе Отвернувшуюся девочку, чтобы делать золото вместе, и неожиданно для всех Дельфирния становится напарницей самого принца. Смогут ли они вместе раскрыть тайны королевского прошлого? Почему на острове запрещена музыка? И как это связано с Дельфирнией?

УДК 821.111-312.9(680)
ББК 84(6Южн)-44

© Кондратьева А.В., перевод
на русский язык, 2024

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-184698-5

*Посвящается всем девочкам,
которые не боятся петь (или говорить),
когда от них ждут, что они будут молчать.*

ОБИТЕЛЬ

Девятая Мать говорит, что мерцальню наполняет музыкой и золотом стена. Но я-то знаю, что это делает кое-кто по ту сторону.

Знаю, что это мальчик.

Мальчик, которого при рождении завернули в нотные свитки вместо пелёнок. Мальчик с короной из колокольчиков на голове. Позади него море бушует хором брызг, поднимая каменную флейту к его губам. Вдыхающий в песни жизнь.

Девятая Мать говорит, что я не отличу крылышко сверкача от падающего пёрышка, но одно я знаю наверняка: для музыки требуется горло. Лёгкие и влага, плоть и кровь.

«Молчи, Дельферния. Не надо».

Опускаюсь на корточки, прижимая ухо к влажному камню. Там ничего, кроме тишины, которую могут создавать лишь стены. Мёртвой тишины: таким представляется звук под землёй, а не снаружи. Даже море угомонилось, будто в ожидании чьей-то исповеди.

Знаю: не стена вплетает в воздух ноты, словно кричащая птица... Я знаю, знаю, знаю. Потому что, пробившись сквозь твёрдое молчание безжизнен-

ной стены, слышу шаги, хруст костяшек. Кто-то щёлкает языком и прочищает горло. Я знаю: он там... Знаю. Море с рёвом устремляется вперёд, и солёные брызги просачиваются в освещённые звёздами щели.

Вздрагиваю, отпрыгивая назад.

Всю жизнь мне твердят, что море окружает купол обители, совсем как ночь обволакивает луну.

И что оно проглатывает девочек вроде меня.

«Молчи».

Дверь в мерцальню открывается подобно кашлю, и те, другие, проходят внутрь. Босые ноги шаркают по мшистой земле. Они выстраиваются в очередь, а я петляю между ними мимо устремлённых прямо перед собой взглядов, чтобы занять место в конце, в самом последнем ряду.

Грохочущий лязг шагов Девятой Матери звенит под ногами. Другие склоняют головы. Проглатываю все свои секреты поглубже, но те всё равно бурлят в желудке, словно испортившаяся похлёбка. Подступают к горлу, чтобы вырваться наружу.

Вот она — закутанная в тусклые шелка, рукава расшиты перьями обительскрылов в дань уважения Первой Матери. Устраивает целое представление из молитвы, ударяет обломком умолкамня по стене, пока тот не издаёт звук «ишшшшш» и не вспыхивает огнём.

Затем призывает музыку (исполняемую мальчиком, который там, снаружи, я это знаю) единственным холодно произнесённым словом:

— Вдохни.

За пределами обители звенят колокола Пагубагона.

И мальчик за стеной начинает играть.

Те другие поднимают головы. Затем Девятая Матерь произносит моё имя, и я понимаю: пора. Пора потерпеть неудачу в превращении музыки в золото.

Создание мерцания — так это называет Девятая Матерь, ведь таков её подковыристый язык: ей нравится выворачивать слова до тех пор, пока они окончательно не утратят первоначальный смысл.

Только подойдя так близко, что почти касаюсь стены губами, останавливаюсь. Девятая Матерь держит зеркало из полированного золота. В отражении появляется моё лицо: тёмные глаза, смуглая кожа. Волосы скручены в пучок на затылке, чёрные кудри противятся, не желая быть забранными. Воображаю, что синяк под глазом — всего-навсего тень, отбрасываемая обительскрылом; представляю, как она обвивает голову, словно тёмная диадема.

Бормочу молитву, которую мы произносим с тех пор, как научились говорить:

— Позволь забыть, что имею глаза. Позволь забыть, что я — это я.

— Продолжай, — говорит Девятая Матерь, опускающая зеркало.

Я знаю, чего от меня ждут, не потому, что у меня это когда-нибудь получалось, а потому, что наблюдала за теми другими множество раз (за девочками из моего класса).

Возможно, дело в том, что у меня певчее горло — «Молчи, Дельферния, не вздумай рассказать», — или, возможно, в том, что я родилась неправильной, но у меня не получается создавать мерцание так, как это делают они.

Создавая мерцание, те другие стоят перед стеной с открытыми ладонями, музыка струится сквозь их кости. Ноты посверкивают на спинах отполированными до блеска нитями. Те другие оборачиваются посмотреть на струны из света, вытягивая музыку из воздуха, позволяя ей весомо опуститься в ладони. Валяют каждый кусочек, пока не превратят его в узловатый комок золота. После чего Девятая Мать хлопает (скорее предостерегающе, нежели одобрительно), и мы читаем очередную молитву Первой Матери:

— Знать своё место — дар, спасибо, что ниспослала его нам.

Вот только сейчас никто не захлопает. Не мне. Ведь в моих руках всегда пусто. А пустые руки, как любит говорить Девятая Мать, необходимо занимать.

Занимать ударами хлыста.

Занимать кровью.

Пустым рукам пустые животы — ещё одно изречение, которое она с удовольствием повторяет. И с ним не поспоришь. Ведь, не создавай мы золото, смотритель Пагубагона не сбрасывал бы морецветы и насаженных на крючки угрей в небодверь.

И тогда бы мы умерли с голода.

В обители не растёт ничего, кроме рыхломха и полумёртвых языкоплодовых деревьев, на кото-

рых не распустится и цветочка. Темнотой не насытишься, камень не прожужьшь. И обитель не покинешь, если только не родишься в подходящий год. Если только тебя не заберёт мальчик в короне из колокольчиков, чтобы ты набивала золотом его карманы.

Демонстрирую стене шрамы на ладонях.

Дело в том, что всякий раз я слишком внимательно вслушиваюсь в музыку, отчего не могу пропустить её сквозь себя. Когда я была размером с яйцо, то думала, что смогу стать как те другие, если буду стараться изо всех сил. Но хоть я и пыталась, из хребта у меня проклёвывались пальцы. Колени превращались в стиснутые кулаки, лодыжки скрючивались. Каждый сустав цеплялся за каждую ноту, выпускаемую каменной флейтой, хватался за каждый ясно резонирующий голос.

Вот мои кости хватаются за музыку. Та прилипает, сгущает костный мозг, словно рагу Девятой Матери. Жаль, стена не превратится в туман, чтобы я посмотрела сквозь и увидела его: увидела мальчика с каменной флейтой, поднесённой к губам, — я знаю: он там; знаю. Вот только не умею превращать камень в туман. Поэтому слушаю. Собираю музыку внутри себя. Запираю её, закрываюсь как старый комод с ящиками. Музыкант колеблется, не уверенный, стоит ли продолжать. Чувствует, что я не создаю мерцание. Что что-то не так. Что со мной что-то не так.

Мне хочется скривить рот в ухмылке, спросить Девятую Матерь: «Разве камень может сомневаться», — но не успеваю я этого сделать, как она

достаёт из складок платья прутик и рассекает им тыльную сторону моей ладони. Вокруг суставов пальца вспухает красная полоска.

Музыка останавливается, и в животе, словно птица, складывающая крылья в гнезде, устраивается осознание. Мне никогда не увидеть неба во всей его полноте. Оно ни за что не пожелает, чтобы я перед ним предстала.

Девятая Мать произносит:

— В шептальню — сейчас же.

И я знаю, что не услышу оставшиеся песни. Песни, которые те другие превращают в золото.

Песни, которым ни одной девочке в Пагубагоне никогда не позволялось вторить.

Дверь в мерцальню закрывается позади меня. В коридоре из чёрного камня не горит свет, но мне отлично известна дорога в шептальню.

Сдерживаю крохотный музыкальный отрывок, который слышала, в грудной клетке. Хочу сохранить его на потом — отложить до момента, когда окажусь в дупле. Ноги стучат по камню, но я стараюсь не отбивать никакого ритма.

Я могу записать песни внутри себя как в хранилище, но это не значит, что они мне принадлежат.

Я отвернувшись, поэтому знаю: музыка принадлежит владеющим.

Я не смотрю на дерево с дуплом по пути в шептальню. Чувствую сырость нерастающих веток, но не смотрю. Стоит глянуть на один листик, и я побегу к нему, заберусь внутрь. Наполню его пением.

Пение — то, чем я занимаюсь только после отбоя, когда могу побыть наедине с крыльями. Обителькрылами. Моими обителькрылами.

Тогда это безопасно. Девятая Мать сопит во сне, щёки измяты заломами подушки, и тогда я знаю: она не проснётся. Каждую ночь она капает на язык дурно пахнущую микстуру, так что её не поднять ни ураганом, сотрясающим камни, ни даже девочкой, дующей на веки.

«Молчи».

Иду по Зубному Ряду — мощёной улочке, по одну сторону которой деревья, а по другую — наши комнаты. Прохожу мимо столовых, спален, помывочных. Мерцальня далеко позади. Не могу думать ни о еде, ни о сне. Даже о горячей ванне. Боль в ладони уже притупляется, а я сбилась со счёта, сколько раз меня хлестали, оставляя синяки, но думаю я о боли другого толка.

Ни один синяк не приносит такую.